

Ван Сюань вместе с тётушкой Цзян приготовили кучу вкусных блюд, после чего он набрал Гоуданя:

— Ты сегодня освободись пораньше, — сказал он в трубку. — И приводи Се Сюэ к нам на ужин.

Гоудань повесил трубку и, передразнивая излюбленный жест Се Сюэ, пожал плечами и развёл руками.

— Придётся прерваться. Из дома звонили, зовут ужинать. А-Сюань готовит просто потрясающе, так что сегодня ужинаем у нас.

— О, стряпню А-Сюаня я отлично помню! — улыбнулся Се Сюэ. — Он ведь ещё в общежитии постоянно баловал тебя всякими вкусностями. Нам тогда тоже перепадало, за что ему огромное спасибо. Знал бы ты, как я истосковался по нормальной домашней еде! За границей ведь кормят какими-то помоями, это просто невозможно есть. Наконец-то сегодня отведаю душу.

— Да ладно тебе приbedняться, — хмыкнул Ли Кай. — Если там так плохо кормят, как ты умудрился отрастить такие плечи? Значит, было в их рационе что-то полезное.

Се Сюэ лишь добродушно усмехнулся:

— Да я серьёзно, без преувеличений. Редкая гадость. Если бы не нужда как-то выживать, я бы к их стряпне и близко не подошёл. Ну не ложится она на наш желудок, и всё тут.

— Ладно, собирайся, — Гоудань легонько хлопнул друга по плечу. — Сегодня устроишь своим вкусовым рецепторам настоящий праздник. Отведаешь самой правильной домашней кухни. Настоящей, без ресторанной мишуры. Пошли!

Се Сюэ ничуть не обиделся на подначку. У него от природы был золотой характер: мягкий, терпеливый, он никогда не лез на рожон и умел посмеяться над собой.

— Слушай, но я ведь впервые к вам в гости иду, — спохватился Сюэ, когда они подошли к машине. — Неудобно как-то с пустыми руками. Давай ты притормозишь у какого-нибудь торгового центра, я хоть символический гостинец куплю?

Видя его упорство, Ли Кай сдался и высадил одноклассника возле крупного гастронома.

— Ладно, упрямец. Только учти: мы с А-Сюанем живём вдвоём, все старики остались в деревне. И даже не думай покупать какие-нибудь дорожные эликсиры или биодобавки в красивых коробках — половина этого рынка в Столице принадлежит нашей семье. Хочешь сделать приятное — просто купи свежих фруктов.

Се Сюэз рассмеялся, признавая его правоту:

— И то верно. Когда твои друзья держат крупнейший в Столице бизнес по продаже оздоровительных товаров, гостям приходится несладко. Обычно ведь как: не знаешь, что подарить — неси коробку хороших витаминов или женьшеня. А тут велик шанс купить твою же продукцию и тебе же её и вручить!

— Да я бы только порадовался, — хохотнул Гоудань. — Забрал бы у тебя подарок, а завтра отвёз обратно на склад — пустил бы во второй оборот.

Зайдя в магазин, Се Сюэз тут же принялся нагребать корзину доверху, пока Ли Кай его не остановил:

— Эй, хорош! Куда столько? Испортится ведь. А-Сюань признаёт только свежие фрукты. Мы ужинать едем или ты решил нам склад затарить? Не скромничай, пошли на кассу.

К тому моменту, как они подъехали к двухэтажному коттеджу, тётушка Цзян уже закончила дела на кухне и ушла домой. В просторной гостиной горел мягкий свет; Ван Сюань сидел перед телевизором, поглядывая на часы в ожидании мужа и гостя.

Услышав в прихожей голоса и шорох пакетов, он поспешно обулся в домашние тапочки и вышел встречать:

— Ну наконец-то! Заждался вас. Разувайтесь быстрее, мойте руки и за стол — всё уже остывает.

За время учёбы Ван Сюань частенько заглядывал к Гоуданю в общежитие, так что Се Сюэз был ему старым знакомым. Никакой неловкости или натянутой вежливости между ними не возникло — встретились старые друзья, простые парни, далёкие от светских условностей.

— Боже, какая красота! — восхитился Се Сюэз, глядя на ломящийся от яств стол. — Аромат просто с ног сшибает. Договорились: сегодня никаких разговоров о делах и коде, только еда и выпивка!

Ван Сюань расплылся в довольной улыбке. Любому кулинару приятно, когда его труды оценивают по достоинству.

— Тогда налегай поплотнее, не стесняйся, — отозвался он.

— Гоудань! Спускайся уже, всё на столе! — крикнул А-Сюань в сторону лестницы.

— А куда он делся? — полюбопытствовал Сюэз.

— Переодевается, — усмехнулся Ван Сюань. — Сам же знаешь, как он эти дурацкие костюмы ненавидит. Говорит, в них дышать невозможно, всё сдавливают. Дома он сразу натягивает что попроще.

Се Сюэ вскинул голову и заулыбался: по лестнице, шлёпая босыми ногами в мягких тапках, спускался Ли Кай. На нём были свободные спортивные штаны и просторная уютная толстовка. По его довольному лицу сразу было видно, какое облегчение он испытывает, сбросив офисную броню. Прожив с ним в одной комнате четыре года, Се Сюэ прекрасно знал эту черту характера друга. Тот всегда терпеть не мог рамки, а его стремление к свободе и непринуждённости проявлялось буквально во всём — от стиля одежды до ведения бизнеса.

— Теперь мне окончательно ясно, откуда у твоих сотрудников эта «творческая вольница» в офисе, — покачал головой Сюэ. — Если уж сам генеральный не может вытерпеть обычный деловой костюм, то что с остальных взять? Обломов ты наш.

— И что в этом плохого? Законом не запрещено, — лениво парировал Гоудань, усаживаясь за стол. — Мои ребята, может, и выглядят как банда оборванцев, зато пахнут как черти и делом заняты, а не показухой. Посмотри ты на эти иностранные конторы, особенно японские. Настоящая каторга! Зажали людей в тиски дебильных правил. На улице пекло под сорок градусов, а они обязаны в шерстяных пиджаках и галстуках ходить. Сдохнуть же можно! Пыли в глаза пускают больше, чем иные чиновники в уездных администрациях.

— У них это называется корпоративным этикетом, — возразил Се Сюэ. — Часть дисциплины, между прочим.

— Ну вот пусть сами в своём этикете и вешаются, — фыркнул Ли Кай. — Оттого у них каждый второй на антидепрессантах сидит, а новостные ленты пестрят сообщениями о самоубийствах и смертях от переутомления прямо за рабочим столом. Мне такого «счастья» в компании не надо.

Се Сюэ покачал головой:

— Капиталисты они, конечно, знатные. Но и ты, братец, как работодатель — далеко не святой. Мы уходили, а у тебя в отделах половина столов ещё светилась. Переработки у вас тоже дай боже.

— Так потому я и убрал всю эту показуху! Работа и так выжимает все соки. У меня правила простые: на совещаниях выглядеть прилично, а в будни — хоть в шортах ходи, главное, чтобы не босиком и не в пляжных шлёпанцах. Костюм на тебя надеть или треники — плевать, лишь бы план выполнялся. К клиентам они и без моих пинков при параде поедут, дураков нет. А в офисе пусть сидят как удобнее, силы надо беречь для дела, а не для держания осанки.

Он отхлебнул чаю и продолжил:

— А насчёт переработок... Если кто-то сидит допоздна, значит, днём ворон считал. Я никого насильно не держу. Исключение — запуск крупных проектов, но за это мы платим сверхурочные. Японцы своим сотрудникам за ночные бдения платят? То-то же. Так что я — самый гуманный и понимающий босс на свете.

Се Сюэ лишь рассмеялся. Спорить с Ли Каем было бесполезно — на любой аргумент у того всегда находилась своя, пусть и слегка циничная, но чертовски логичная философия. Ещё со студенческих времён этот парень отличался крутым нравом, мёртвой хваткой и удивительным чутьём. Без влиятельных покровителей и связей, приехав из глухой провинции, он умудрился за пару лет застолбить за собой солидный кусок столичного рынка. Сразу видно: у человека и голова варит как надо, и язык подвешен превосходно.

Ван Сюань принёс глубокую супницу, от которой поднимался густой ароматный пар.

— Сюэ, даже не пытайся переспорить этого демагога, — улыбнулся он. — Я давно понял, что это дохлый номер. — Повернувшись к Гоуданю, он строго добавил: — Давай за стол. Сам не голоден, так гостя постыдись. Садись, Сюэ, попробуй сначала суп. Тётушка Цзян его с самого обеда на медленном огне томила. Утка разварилась так, что косточки сами отделяются. Я туда ещё немного целебных трав добавил — на вкус они не влияют, зато в такие холода для желудка и общего тонуса — самое то.

У Се Сюэ от одного только запаха потекли слюнки.

— Я уже с ума схожу от этого аромата, а Ли Кай всё зубы заговаривает, несносный человек! — Он зачерпнул полную ложку янтарного бульона, слегка подул и отправил в рот. Глаза Сюэ блаженно зажмурились. — М-м-м... невероятно! Словно в рай попал. — Он показал Ван Сюаню большой палец. — А-Сюань, это просто шедевр!

— Ну точно, дикарь из заграничной ссылки вернулся, — беззлобно поддразнил его Гоудань. — Вас там что, совсем не кормили? Вроде говорят, на Западе все так богато живут: молоко рекой, свежий хлеб... Говорят, они потому такие здоровые вырастают, что тоннами поглощают сыры да йогурты. А ты нос воротишь.

— Эх, сытый голодного не разумеет, — вздохнул Сюэ, вылавливая нежный кусочек утиного мяса. — Наша душа требует горячей лапши, сочных баоцзы с начинкой, ну или хотя бы пышных паровых пампушек-мантоу. А их хваленый хлеб... Пахнет-то он заманчиво, но когда тебе приходится жевать его изо дня в день на завтрак, обед и ужин, тошнота подступает. К тому же дешёвый хлеб там грубый, как подошва. Нам, простым китайским студентам без лишней копейки в кармане, приходилось покупать самый дешёвый чёрный хлеб — твёрдый, кислый, горло дерёт.

— Да и с молоком беда. Полезно-то оно полезно, спору нет, но наши желудки к нему с детства не приучены. Стоит стакан выпить — и всё, пиши пропало, полдня из уборной не вылезешь.

Ван Сюань понимающе кивнул:

— У многих взрослых действительно непереносимость лактозы, организм просто не справляется. Но судя по твоей богатырской комплекции, ты-то в итоге неплохо акклиматизировался.

— Куда деваться, пришлось привыкать, — хмыкнул Сьюэ, уплетая мясо за обе щеки. — Если бы вы знали, как мне было туго в первые месяцы! На словах у них там полная свобода, демократия и равенство, а на деле — лицемерие чистой воды. Иностранцев, особенно азиатов, за людей не считают. Постоянно сталкиваешься с пренебрежением, предвзятостью, а порой и откровенной травлей. Я сразу для себя решил: получу диплом и тут же обратно, на родину. И ни секунды об этом не пожалел.

Три взрослых парня под душевные разговоры умяли целую гору еды. Ли Кай откупорил две бутылки отличной крепкой водки. Застолье затянулось допоздна. Захмелевший Се Сьюэ, обычно сдержанный и тихий, разомлел от домашнего тепла и алкоголя. Вспоминая пережитые за границей унижения и одиночество, взрослый сильный мужчина едва не пустил слезу, а под конец и вовсе окончательно отключился, уронив голову на сложенные на столе руки.

— Сьюэ обычно слова лишнего не вытянешь, а тут разом всё выложил, что наболело, — тихо проговорил Ван Сюань, выжимая тёплое влажное полотенце. Он бережно обтёр лицо спящего гостя, чтобы тому стало полегче дышать. — Видно, натерпелся он там знатно.

— Давай у нас его уложим, в гостевой, — предложил Гоудань. — Он же один живёт, в таком состоянии доедет до дома и упадёт где-нибудь в прихожей, даже стакан воды подать некому. Сьюэ, а ну-ка приподнимись...

Ли Кай попытался придать другу вертикальное положение, но тот обвис бесформенным кулем.

— Ух, ну и туша! Отожрался на казённых харчах, чёрт его дери. А-Сюань, беги наверх, открой дверь в комнату и постели свежее бельё. Я его на закорки закину и сам дотащу. Если мы вдвоём его тащить будем, точно равновесие потеряем и все вместе со ступенек скатимся.

Ван Сюань кивнул и поспешил наверх:

— Хорошо, я мигом.

Ли Кай, к счастью, обладал недюжинной силой. Тащить мертвецки пьяного человека — удовольствие сомнительное: кости словно размягчаются, тело теряет упругость и кажется вдвое тяжелее обычного. То плечо съедет, то ноги подкосятся. Поэтому Ли Кай просто перекинул Сьюэ через плечо, как мешок с мукой, и уверенным шагом направился к лестнице.

На первом этаже были две гостевые спальни и небольшая кладовая, но оставлять пьяного Сьюэ там одного побоялись. Мало ли, станет плохо или пить захочет ночью. Решили устроить его на втором этаже, прямо по соседству со своей спальней — так надёжнее, всегда можно заглянуть и проверить его состояние.

Благодаря годам деловых банкетов Ли Кай наработал завидную устойчивость к спиртному. Сюээ давно сошёл с дистанции, а у Гоуданя — ни в одном глазу, разве что лёгкий хмель приятно согревал кровь.

Уложив друга на кровать, Ли Кай поморщился и понюхал свой воротник:

— Ну и амбре. Пропитался перегаром и жареным луком. Пойду в душ, пока не завонял тут всё.

Пока Ли Кай возился в ванной, Ван Сюань принёс тазик с тёплой водой. Он аккуратно обтёр Сюээ руки и шею, помогая ему расслабиться. Затем стянул с него тяжёлую куртку и плотные джинсы, оставив в трикотажном белье, разулся и хорошенько укутал одеялом.

Надо отдать должное Сюээ — пить он умел красиво. Пьяным не буянил, не орал, не лез драться и не хвастался небылицами. А главное, его не тошнило. Забравшись под тёплое одеяло, он свернулся калачиком и тут же тихо, мирно засопел.

Зато со вторым постояльцем хлопот оказалось гораздо больше. Ли Кай хоть и держался на ногах молодцом, но выпил он изрядно. Смыв под душем следы застолья, он вернулся в их спальню хмельной, разгорячённый и до крайности ласковый. Не успел Ван Сюань опомниться, как его сгребли в охапку, требуя поцелуев, объятий и прочих нежностей.

— Отпусти ты меня, медведь! — шутливо отбивался Ван Сюань. — Я ещё сам не мылся, от меня кухней за версту несёт. Дай сначала в порядок себя приведу.

— Не буду я ждать, — проворчал Ли Кай, зарываясь носом в изгиб его шеи и жадно вдыхая родной запах.

— Да не дури, Гоудань, — смеясь, уворачивался А-Сюань. — Я же вижу, что ты всё прекрасно соображаешь. Пусти, ну правда. Вся одежда пропиталась запахом жареного и перегаром. Тебе-то, может, и нормально, а я спать в таком виде не лягу.

Он решительно оттолкнул мужа, шустро выскользнул из его объятий и, прихватив чистую пижаму, скрылся в ванной, предусмотрительно щёлкнув замком.

Ли Кай со смехом повалился на широкую кровать, забавно спружинив на мягком матрасе. Он и не думал злиться — прекрасно понимал, что Ван Сюань толкнул его чисто символически. Это была весёлая игра, в которой он охотно поддался, позволяя своему ненаглядному привести себя в порядок. Сладкое предвкушение заставило его сердце биться чаще: сейчас его любимый смоет усталость, вернётся тёплым, чистым и пахнущим мылом, и уж тогда они оторвутся по полной программе.

Подобно терпеливому хищнику в засаде, Гоудань затаился на простынях, мысленно подгоняя время и предвкушая роскошный пир, в котором А-Сюаню была отведена роль главного

деликатеса.

Стоя под душем, Ван Сюань внезапно почувствовал, как по спине пробежал странный холодок. Подумав, что сквозит, он покрутил кран, делая воду погорячее, наскоро ополоснулся и завернулся в белоснежный махровый халат. Повзрослевший Ван Сюань расцвёл, растеряв прежнюю угловатость юности. Черты его лица заострились, стали благороднее, а в мягком взгляде появилось то особое, едва уловимое очарование зрелой мужской красоты, от которого у Ли Кая каждый раз сладко щемило в груди.

На этот раз он не стал возиться со стиркой — просто свалил их вещи в таз, залил водой с порошком и решил отложить всё на утро. Подготовка отняла много сил, и после горячей ванны тело приятно налилось свинцовой усталостью. Единственное, чего ему сейчас хотелось — поскорее зарыться в прохладные простыни и закрыть глаза.

Вот только он совершенно забыл, что на кровати его поджидает изголодавшийся зверь.

Под действием хмеля Ли Кай превратился в неутомимый ураган страсти. Энергия в нём била через край. Поначалу Ван Сюань охотно отзывался на его ласки, они долго и неистово любили друг друга, отдаваясь сладостному безумию без остатка. Но ближе к рассвету у А-Сюаня не осталось сил даже на то, чтобы приподнять руку. Ли Кай же, словно присосавшаяся пиявка, ни на секунду не отпускал его из своих жарких объятий, продолжая покрывать поцелуями влажную кожу.

Глубокой ночью измотанный Ван Сюань кое-как заставил себя дойти до ванной, чтобы сполоснуться. Пока Гоудань перестилал постель, он без сил рухнул на свежую простыню и мгновенно провалился в сон. Уже засыпая, он едва ворочал языком и сонно пробормотал куда-то в подушку:

— Гоудань... сходи к Сюэ... проверь... вдруг пить хочет... воды ему...

Договорить он так и не сумел — окончательно отключился. Раздалось лишь ровное, безмятежное дыхание.

Ли Кай с нежной улыбкой посмотрел на спящего возлюбленного. Из-под одеяла доносилось едва слышное, умиротворяющее сопение. Да уж, уходил он своего ненаглядного знатно, живого места не оставил.

Он ласково склонился над ним, убрал упавшую на глаза прядь волос и нежно поцеловал в лоб.

— Спи, моя радость, — прошептал он тихо-тихо. — Сейчас схожу проведаю его. Спи сладко.

Ли Кай бережно погладил его по голове, перебирая мягкие пряди. В его взгляде светилась такая бесконечная, щемящая нежность, словно перед ним лежало величайшее сокровище

мира. Прижавшись губами к его виску, он негромко, как молитву, зашептал:

— Потерпи ещё немного, родной. Вот прочно встану на ноги, добьюсь такого положения, чтобы ни одна собака в этой Столице не посмела криво на нас посмотреть или вякнуть что-то в твой адрес... Тогда мы перед всеми откроемся. Я не позволю тебе вечно прятаться по углам и жить со мной без спросу и благословения.

Он ещё раз коснулся губами его щеки, заботливо подоткнул одеяло со всех сторон и бесшумно выскользнул из комнаты.

Ван Сюань во сне сладко вздохнул и едва заметно улыбнулся уголками губ — должно быть, ему снился какой-то удивительно тёплый, счастливый сон.

<http://bllate.org/book/19654/1996864>